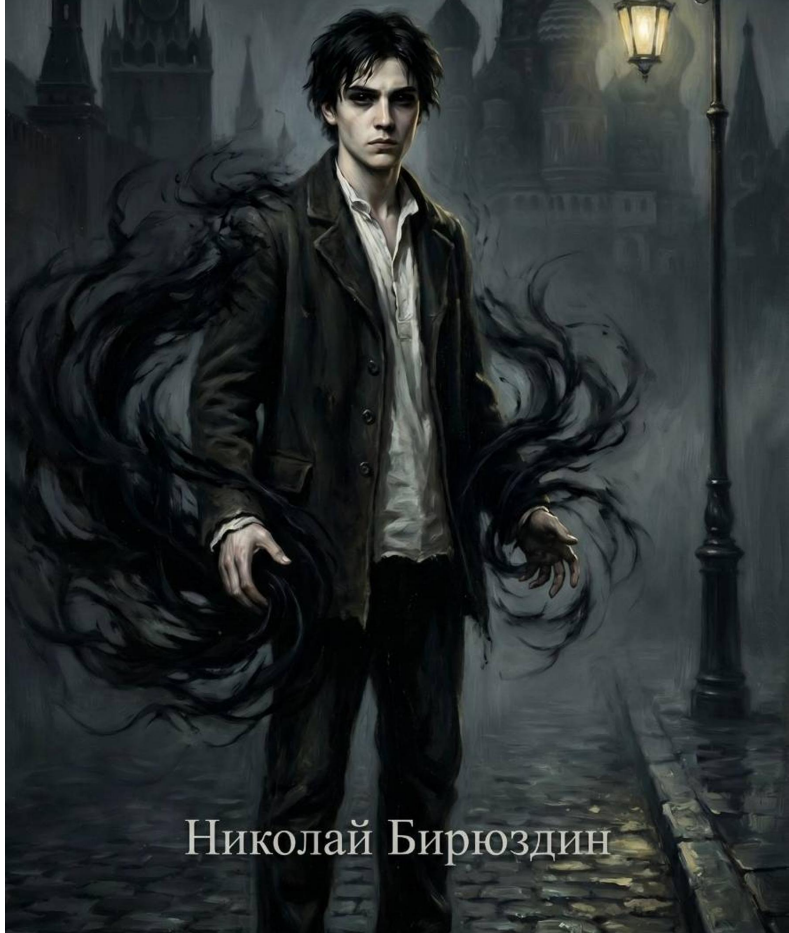

РОД ИЗ ТЕНИ

Книга первая. Пробуждение

Николай Бирюздин

Николай Бирюздин

Род из тени

<https://litres.ru/74633372>

SelfPub; 2026

Аннотация

Триста лет назад род Вересков стёрли с лица империи. Их магию объявили проклятой, их имена вычеркнули из летописей, их земли отдали трём древним родам.

Ярослав об этом ничего не знает. Он — сирота из тверского приюта, подёнщик на купеческом складе - чужая фамилия и три рубля в кармане. До той осенней ночи 1895 года, когда в глухом переулке трое подосланных избивают его насмерть, — и он, сам не зная как, делает так, чтобы их не стало.

Это видит женщина в серой шинели. У неё прибор магнадзора, спокойный голос и тридцать минут до того, как магистратская тревога накроет город. По закону Ярослава должны повесить ещё сегодня. По закону женщина должна его сдать.

Вместо этого она предлагает сделку. Год в Императорской академии под её прикрытием — в обмен на правду о магии, которой не было в империи триста лет.

Ярослав соглашается. Потому что выбора нет. И потому что не знает: за его кровью охотятся не одни великие рода. И что цена правды — не виселица. Цена больше.

Содержание

Глава 1. Склад, драка, Тень	4
Глава 2. Полчаса	16
Глава 3. Ночной поезд	27
Глава 4. Подвал на Якиманке	38
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николай Бирюздин

Род из тени

Глава 1. Склад, драка, Тень

Последний мешок пошёл тяжело: сахар к ночи отсырел снизу, у самой земли, и мешковина липла к рукавицам. Ярослав довернул его на плече, снёс по сходням и уложил на подводу в общий ряд, стык в стык. Возчик тронул сразу, не дожидаясь, пока поднимут задний борт; мешки качнулись и легли плотнее. Колёса взяли грязь двора с чмоканьем, у ворот подвода накренилась на колдобине и выправилась, и двор за ней сразу стал тихий — только дождь перебирал по навесу над рампой.

Сахар шёл в мешках по шесть пудов. С утра штабель их стоял под самую балку; грузили дотемна и после темноты, при фонарях — сахар уходил на станцию, к ночному товарному, — и к двенадцатому часу штабель сошёл на нет. Спина помнила его весь — широкой тёплой полосой от шеи до поясицы.

Подвод за день ушло одиннадцать. Последнюю, недогруженную, возчик увёл в исходе двенадцатого; артельные развесили рукавицы по своим гвоздям и потянулись к воротам, переговариваясь про воскресенье. Ярослав свои рукавицы

сдал приказчику — казённые, под расписку — и пошёл в конторку последним: подённые получали после артельных, так было заведено.

В конторке пахло сургучом и остывшей печью. Ерёмин сидел под лампой над железным ящиком; ящик был о двух замках, и отпирал он оба, хотя второй давно ходил свободно. На стене за его спиной висели счёты со сломанной костяшкой — ими он не пользовался, считал в уме, быстро и без ошибок, за что его на станции уважали и не любили. Деньги он считал сам, слюнявя большой палец, и никому этого дела не передавал.

— Седмица по сорока — два восемьдесят, — сказал он. — И двугривенный сверх, за шестипудовые. Три ровно.

Три бумажных рубля легли на стол — мятые, тёмные по сгибам. Ярослав расписался в тетради, в графе против своей фамилии; подённых Ерёмин вёл списком, и список этот к зиме укорачивался с каждой седмицей. Деньги он сложил вдвое и убрал во внутренний карман куртки, к пятам.

— Завтра не приходи. — Ерёмин опустил крышку и повернул оба замка по очереди. — У заказчика праздник, погрузки не будет. В понедельник с утра придёт обоз из Калязина, большой, тогда и понадобится. К шести будь.

Ярослав кивнул. Про праздник он не спросил: в прошлый раз это были именины, в позапрошлый — храмовый день где-то в уезде.

Праздники у заказчика случались всякий раз, как реде-

ли обозы. Артельные и в пустой день оставались при складе — мели, перекладывали, сторожили; подённых сбрасывали первыми, и спорить тут было не о чем. Ярослав надел шапку и пошёл через двор.

На воротах, справа от калитки, висела казённая жестянка. двуглавый орёл, под ним литые буквы. «Соккрытие магического дара от регистрации. Статья 47 Уложения. Каторга». Ниже была прибита деревянная дощечка о запрете курить при складах — ту читали, на ту кивали друг другу с сигаркой в кулаке. Жестянку вешали при нём, года полтора назад; с тех пор её раз подкрашивали — орёл держался, буквы по краям поплыли. Приютская наука на этот счёт была короткая: у безродных дар если и случается, то слабый, для казённой службы негодный, а идти с таким записываться — самому становиться на учёт в участке. Не ходил никто, сколько Ярослав себя помнил. В приюте про дар спрашивал только доктор, раз в год, для формы, и отвечать полагалось одно: не замечал. Отводить глаза от таких жестянок Ярослав выучился раньше, чем читать по складам.

У задней калитки, на чурбаке, сидел сторож — старик в тулупе, с оловянной кружкой на колене. Из кружки шёл пар. Полгода Ярослав выходил этой калиткой и всякий раз заставлял его на том же месте; имени не знал, разговоров между ними не было — был кивок. Старик кивнул и сегодня, снизу вверх, не снимая рук с кружки. Уже за калиткой, поправляя воротник, Ярослав краем глаза поймал: старик смотрит ему

вслед, и смотрит дольше обычного. Мало ли куда он смотрит со своей кружкой. Ярослав поднял воротник выше и не обернулся.

* * *

До ночлежки на Каляевской было полторы версты. Идти можно было двояко. Семёновской — под фонарями, мимо трактира, где в этот час дотлевал последний свет и сипела уставшая гармонь, мимо казённой винной лавки, давно тёмной и запертой на два засова. Либо переулком позади складов: тот срезал с полверсты, но фонарь в нём горел один, у дальнего выхода. Ноябрьская морось стояла в воздухе, почти не падая; сукно на плечах давно набрало воды и село. В ночлежке к его приходу оставалось одно место — у двери, где тянуло по ногам. Полверсты были полверсты. Ярослав свернул в переулок и по всегдашней привычке начал считать шаги — до фонаря их выходило без малого сотня.

Переулок он знал наизусть: глухие задние стены складов по правую руку, забор лесного двора по левую, посередине колея, разбитая ломовиками и залитая теперь дождём до краёв. Днём здесь возили тёс, к ночи не ходил никто.

На восьмидесятом шаге от штабеля пустых бочек отделились трое и встали поперёк.

Стояли они правильно: один в середине, двое по краям, чтобы не обойти ни по стене, ни по забору. Ярослав остановился в пяти шагах. Назад до улицы было дальше, чем им до него.

Ждали его. Среднего Ярослав знал в лицо: Семён Бельчев, по прозвищу Косой, — левый глаз у него с детства глядел мимо собеседника, куда-то за плечо. Семён ходил под купцом Кучеровым с Тверской заставы и выбивал для него то, что Кучеров записывал себе в убыток.

— Тихомиров, — сказал Семён. — Разговор короткий. За Колькой шестьдесят семь рублей. Колька съехал, долг остался. Ты с ним на соседних нарах спал — тебе и закрывать.

Кольку Ярослав помнил: нары через проход, кашель по утрам, разговоры о том, как поднимется с воза и заведёт своё. Съехал Колька молчком, недели три назад, оставив на нарах рванный армяк; по армяку в ночлежке решили, что вернётся. Не вернулся. За что он задолжал Кучерову и когда успел — таких денег Колька в руках не держал ни разу, — этого не знал никто.

— Колька пропал. Недели три как. Куда — не знаю, денег его не видел.

— А это без разницы. — Говорил Семён скучно, глядя правым глазом Ярославу в подбородок. — У Кучерова в книге убыток. Убыток надо закрыть. У тебя нет — ночлежка соберёт. Веселей соберёт, когда поглядит, что бывает за чужой долг.

Ярослав шагнул вбок, к стене, — и опоздал. Сзади его взяли за локти и завернули их назад и вверх; пахнуло луком. Никола — этого он тоже знал, кучеровский, здоровый мужик, дышавший ртом. Третьего разглядеть не успел: тот остался

за спиной, у бочек, и только переступил там с ноги на ногу.

— Не сердчай, — сказал Семён и вынул руки из рукавов. Помял правый кулак в левой ладони, примерился глазом, куда бить. — Работа.

Бил он под левое ребро, в одну точку, трижды, с расстановкой — так доделывают к сроку начатую работу. На третьем ударе ребро отозвалось внутрь, в самое дыхание, и считать Ярослав бросил. Дальше был удар в живот; воздух вышел весь, Никола разжал руки, и Ярослав встал на четвереньки в лужу. Последний пришёлся в лицо, сбоку, вскользь по скуле, и опрокинул его набок. Шапка слетела и легла в грязь донцем кверху.

Он лежал щекой в воде и видел перед собой сапоги Семёна — добротные, с калошами. Удары он знал, ими в приюте мерили старшинство, и не от ударов сейчас стыла у него шея — от счёта, который сходил сам собой, без его участия: за подёнщика-сироту не вступится никто. Мёртвых безродных тверская полиция подбирает по утрам походя, между прочим дел; на такого мёртвого в участке уходит одна строка в журнале, а дальше — дальний угол Смоленского кладбища, яма без отпевания.

— Нет у меня шестидесяти семи рублей, — сказал Ярослав в сапоги. Губы слушались через раз.

— Знаю, — сказал Семён сверху. — Полежи до воскресенья. К воскресенью дойдёт до кого надо.

Сапог с калошей поднялся из лужи — неторопливо, при-

мериваясь.

Ярослав лежал лицом в воде. Вода пахла гнилью и керосином. Одно стояло в нём плотно, ниже всяких слов, — не умирать в этой грязи.

* * *

Внутри лопнуло.

Просто было — и стало по-другому, без перехода. Из груди вверх пошла волна холода. Зубы свело так, что заломило в висках; во рту встал привкус железа, густой, тяжёлый, — он шёл не от разбитой скулы, а глубже, от самого горла. Кожа на затылке сделалась сухой и холодной.

Керосиновый фонарь горел в двадцати шагах, у выхода на улицу. Когда холод дошёл до глаз, фонарь потускнел — света в нём стало меньше, как в комнате, где лампу прикрыли ладонью. Ветер был ни при чём: морось висела не шелохнувшись. Темнота у стен складов сгустилась, прижалась к доскам, потом сошла с обеих сторон в середину переулка и накрыла сапоги Семёна.

Наверху кто-то начал слово и не договорил.

Дальше темнота встала вся, разом и до конца, и вместе с ней встала тишина. Не стало мороси, не стало голосов; остался один его собственный выдох, короткий, у самого лица.

* * *

Темнота сошла так же, как встала, — ровно, без толчка. Фонарь у выхода прорезался жёлтым; вернулась морось; стало слышно, как течёт вода в жёлобе на углу склада. Ярослав

стоял на четвереньках в луже и не помнил, сколько так простоял.

Он поднялся, держась за стену. Переулок был пуст. Фонарь у выхода горел как горел, жёлто и слабо; до него оставалось шагов двадцать — недосчитанных.

Грязь между стенами лежала гладкая, набухшая: ни следов, ни вдавлен от каблуков — как если бы трое сюда не входили вовсе. Штабель пустых бочек стоял как стоял. Ярослав позвал: «Семён». Вышло сипло, в четверть голоса. Позвал ещё раз, громче. Из переулка не ответили, с улицы тоже.

Он поднял из грязи шапку, отжал её обеими руками и надел. Провёл языком по зубам. Железо держалось, густое, но крови не было: скула саднила снаружи, а вкус шёл изнутри, из горла, и слюна его не разбавляла. Под левым ребром при каждом вдохе поворачивалась тупая игла; к утру там нальётся синяк во всю ладонь. Он прислонился лопатками к мокрым доскам и стал считать, потому что больше делать было нечего.

Что стало с троими в той темноте, он не видел. В памяти между сапогом над лужей и жёлтым фонарём лежал провал, гладкий, без единого шва — сколько ни води по нему, зацепиться не за что.

Он перебрал остальное по порядку, как перебирал бы выручку. Трое стояли — троих нет. Фонарь гас, и гас он до того, как темнота встала вся: это Ярослав видел сам, со своей лужи. Холод шёл из-под грудины, вверх, и железо во рту под-

нялось вместе с ним.

Сделал это он. Больше в переулке было некому. В нём магия — и не Искра, про которую в приюте говорили сквозь зубы: Искра не гасит фонарей и не убирает с земли троих взрослых мужиков. Жестянка на воротах Ерёмина писана теперь про него. За сокрытие — каторга. А кого берут на живом деле, на месте, — про тех на жестянках не пишут: вешают без суда, это знала вся Тверь. Позапрошлой зимой за такое вешали одного на плацу за казармами; ходили смотреть целыми артелями, Ярослав не пошёл, а из тех, кто ходил, охотой про это не рассказывал потом никто.

Деньги он пересчитал, не вынимая руки из кармана, наощупь: три бумажных рубля, шесть медных пятак. Ночлег стоил пятак за ночь; до понедельника выходило три пятака, если без бани. Билет до Москвы вторым классом стоил пять рублей. До Бежецка — рубль шестьдесят, и в Бежецке у него было ровно столько же своих, сколько здесь, — никого. Приютская справка — вся его бумага — была просрочена на два месяца: продление стоило полтинника и очереди в участке, и он всё откладывал до тёплого времени. А на станции у кассы бумагу спрашивают раньше денег.

Часов у него не было. На путях за складами прогудело депо — по гудку выходило, что от расчёта у Ерёмина прошло никак не больше часа. Час назад весь его счёт был про понедельникный обоз.

* * *

Со стороны вокзала по переулку шли шаги — женские, некрупные, и шли не таясь, серединой.

Ярослав отжался лопатками от стены. Бежать было некуда, да и ноги держали вполсилы.

Женщина вышла на свет фонаря и остановилась шагах в пяти. Серая суконная шинель без знаков различия. Тёмные, почти чёрные волосы, убранные на затылке простым узлом; у виска выбилась прядь, и морось сидела на ней мелким седым бисером. Лицо бледное, брови тёмные; глаза светло-серые, светлее лица. Над правой бровью — старый шрам, в палец длиной, давно заживший. Руки она держала в карманах шинели.

Смотрела она не в глаза. Прошлась по нему сверху вниз: плечи, грудь, руки. Руки у Ярослава дрожали — он увидел это вместе с ней; сжал кулаки, но дрожь ушла выше, в локти. Она дождалась, пока он поднимет голову, и только тогда шевельнулась.

Она вынула правую руку из кармана. На ладони лежал металлический футляр в ладонь величиной, с круглой стеклянной шкалой; по латуни корпуса сидели капли. Стрелка за стеклом стояла в красном секторе, у правого края, и не дрожала.

— Прибор магнадзора. Тип третий, выпуск восемьдесят первого года, — сказала она и повернула шкалу к Ярославу. Голос был негромкий и ровный. — Инспектор имперского магнадзора Варвара Строгова.

Ярослав смотрел на стрелку. Что и в чём она мерила, он не знал; красный сектор объяснял себя сам.

Она убрала прибор и повела подбородком влево — на боковой лаз между двумя мусорными ящиками, куда свет фонаря доставал самым краем.

— Посмотрите туда. Подойти можете.

Ярослав подошёл, держась ближе к стене. Вышло восемь шагов; он сосчитал их, не думая, — так же, как дышал. В лазу, на куске рогожи, лежал человек в форменном: серое сукно, синие петлицы; фуражка валялась рядом, донцем в грязи. Возле фуражки лежали форменные перчатки, сложенные одна на другую. Лицо у человека было спокойное. Грудь под сукном ходила — мелко, но ходила.

— Агент магнадзора, — сказала Варвара за его спиной. Она осталась стоять, где стояла. — Шёл арестовать вас. По уставу он успевал минут на пять раньше меня. Я задержала его — примерно на полчаса.

Ярослав обернулся. Руки её снова были в карманах.

— Считайте со мной, — сказала она. — Через полчаса он очнётся и доложит в участок. Через час по губернии уйдёт телеграфная тревога. Через шесть часов вас будут искать по дорогам. Через сутки найдут. Это расписание, оно не моё, я его только знаю наизусть.

Ярослав молчал. Считать тут было нечего — счёт был готовый, её. Во рту снова густело железо, и он сглотнул, чтобы не так стояло в горле.

Она качнула головой в сторону лежащего.

— Этого я выключила — это я могу. Вас таким способом выключить нельзя. Поэтому ловить не буду. Предлагаю поговорить.

Больше она не прибавила ничего.

Она повернулась и пошла к выходу из переуллка, не оглядываясь. Шла она по той же грязи, что и все, но шаг у неё не сбивался, и полы шинели тяжело качались в такт. У фонаря она не замедлилась — свернула на улицу, и серое сукно в мороси стало почти белым.

Человек на рогоже дышал ровно и просыпаться не спешил. Где-то за складами, на путях, коротко свистнул маневровый и стих.

Ярослав отлепился от стены. Ребро отозвалось, шапка сидела мокрым обручем, в кармане под ладонью лежали три бумажки и шесть пятак. Он пошёл следом, сам не зная зачем, — считая шаги до фонаря.

Глава 2. Полчаса

От переулка шли молча, дворами — два квартала, если мерить по-складски, от угла до угла. Дом оказался доходный, о трёх этажах, с чёрным ходом со двора. На лестнице Варвара спички зажигать не стала; поднимались в темноте, и Ярослав считал ступени: тринадцать, площадка, ещё тринадцать.

Дверь Варвара отперла со второго оборота и вошла первой. Спичка нашлась у неё в кармане сразу; лампа на столе занялась с одного раза, и фитиль она подкрутила до среднего огня, не выше.

Комната была съёмная, об одном окне, и окно занавешено плотным. Обои в мелкий рисунок выцвели до общего серого; у двери на них остался тёмный прямоугольник от чьей-то снятой рамки. Посередине стол, при нём два стула друг напротив друга. В дальнем углу кресло с продавленным сиденьем; на сиденье лежал холщовый свёрток, увязанный бечевой крест-накрест. Второй угол отгораживала ситцевая занавеска на верёвке, за ней угадывался рукомоЙник. Печь стояла холодная, заслонка задвинута — топили тут давно, воздух был нежилой. Над дверью висели чугунные часы; маятник у них шёл ровно, с тяжёлым низким стуком, и стрелки показывали без четверти час.

— Сядьте, — сказала Варвара и указала на стул спиной к окну. Сама села напротив, ближе к лампе, и положила перед

собой папку в синей обложке.

Ярослав сел. Стул скрипнул и встал. С мокрого сукна на пол сошла первая капля, за ней вторая.

Пока Варвара развязывала тесёмки, он слушал часы. Маятник бил мерно; Ярослав сверил его с собственным дыханием и сосчитал: двенадцать ударов выходило на минуту. В переулке она сказала — через полчаса. От этого получаса, если считать честно, оставалось меньше двадцати минут.

— Ярослав Тихомиров, — прочла Варвара, не поднимая головы. — Семнадцать лет. Воспитанник Тверского сиротского дома при Покровской церкви. Выпущен в шестнадцать, с формулировкой «на вольные хлеба». Полтора года подёнщик на грузовых складах, последний год — у купца первой гильдии Ерёмина. Записей о даре нет. Приводов нет. Болезней у приютского лекаря не зарегистрировано. — Она перевернула лист. — Что-нибудь неверно?

— Всё верно.

Формулировка про вольные хлеба стояла и в его собственной справке, слово в слово. Казённые бумаги, выходило, писались под одну копірку — что в Твери, что в Москве.

— Хорошо. Справка об этом хранится у меня в кабинете, в Москве. Тверское отделение магнадзора о ней не знает и не узнает.

Листов в папке было немного, но каждый сидел на своём месте: она находила нужное, не ища.

Из папки она вынула сложенный вчетверо лист и развер-

нула его поверх остального. Это была печатная карта города с пометками от руки; по карте стояли чернильные точки, обведённые кружками, — десятка полтора.

— Полгода назад прибор начал брать в Твери фоновую утечку. Слабую, неклассифицированную. Маги её не чувствуют. В рапортах её списали на статистический шум — я эти рапорты читала. Я нанесла всплески на карту. — Палец её пошёл по точкам, без спешки. — Склад Ерёмина. Ночлежка на Каляевской. Хлебная лавка на Семёновской. Колодец во дворе. Кладбище. Все точки — в радиусе четырёхсот шагов от вас. А вот эта, — палец остановился, — стоит над вашей койкой.

Ярослав смотрел на карту. Точки лежали по его дорогам, как гвозди по половице: где ходил, там и вбито. Радиус в четырёста шагов он примерил на память — до лавки и до колодца сходилось шаг в шаг. Кладбище в ряд сперва не легло, потом легло: мимо ограды шла дорога на дальние огороды, где он копал по осени за хлеб.

— Я этого не делал.

— Знаю. Она идёт из вас сама, без вашего участия и без вашего ведома. Полгода, тонкой струйкой. — Варвара сложила карту по старым сгибам. — Приборов, которые её берут, в губернии два. Один вы видели у меня. Второй — в переулке, во внутреннем кармане у человека на рогоже. Мы оба шли по своим записям. Каждый по-своему.

— А сегодня?

— Сегодня около полуночи стрелка ушла в красный сектор и простояла там двадцать секунд. — Она сказала это тем же голосом, каким читала досье. — По шкале это очень сильно. Обычный всплеск у зарегистрированного мага — доли деления. Ваш выжал шкалу до упора и держал. Инспектор без прибора при этом прошёл бы в десяти шагах и ничего бы не заметил: у вашей магии есть особенность. О ней позже. Сейчас важно другое.

Она закрыла папку и положила на неё ладонь.

— Это та магия, которой в этой империи официально нет триста лет. Её носители подлежат повешению без суда. Не каторге. Виселице.

Под левым ребром повернулась игла — сама, без глубокого вдоха. Во рту с вечера так и стояло железо; теперь оно сделалось гуще.

Маятник ударил четыре раза, прежде чем Ярослав сказал: — На жестянке написано — каторга.

— Жестянка про общую сорок седьмую статью. Про эту магию порядок отдельный, быстрее и тише, и на ворота его не вывешивают. В приютах о нём тоже не рассказывают. — Она подвинула лампу в сторону, и света на них двоих стало поровну. — Теперь арифметика. Считаю от переулка. Через полчаса он очнётся. Через тридцать пять минут будет в участке. Через час по губернии уйдёт телеграфная тревога: разыскивается носитель проклятой магии, мужской пол, семнадцать лет приблизительно, район Бельчевского пере-

улка. Через шесть часов вас ищут по дорогам. Через двенадцать из Москвы выезжает следователь. Через сутки вас находят. Вешают за городом, в овраге за Смоленским кладбищем, без отпевания.

Про овраг Ярослав не знал. До остального дошёл в переулке сам, без цифр. Шесть часов на дороги он всё же проверил про себя: до Бежецка своими ногами — восемь, разъезды поспевают раньше. Счёт выходил не в его пользу с любого конца.

— От этого получаса, — сказал он, — осталось минут пятнадцать.

Варвара подняла на него глаза. Смотрела недолго, один удар маятника.

— Четырнадцать. Хорошо, что вы считаете. Дальше пойдёт быстрее.

* * *

Стрелки прошли час ночи. Маятник отбивал свои двенадцать на минуту, и счёт Ярослав перевёл с получаса Хвостова на другой остаток — тот, что до поезда.

— Ночной поезд на Москву уходит в два двадцать. Билет второго класса, на два места, у меня. — Она достала из-за пазухи шинели узкий пакет, перевязанный шпагатом, и положила на стол, не раскрывая. — Здесь документы. С этой ночи вы Ярослав Калужский, сын мелкого служащего из Калуги. Дар проявился поздно. В Москву направляетесь по льготной квоте.

— Куда именно?

— В Императорскую Академию Магических Искусств. Я вас туда устрою.

— Безродного возьмут?

— По льготной квоте берут и безродных, для того она и заведена. Ваше дело — камень и молчание.

Маятник отбил три удара. Ярослав ждал продолжения; оно пришло тем же порядком, каким она читала досье, — по пунктам.

— По бумагам ваша стихия — свет. Слабая Искра. Камень-индикатор на вступительном испытании покажет ровно это; как — я научу. Условия такие. Не светиться. Не дерзить аристократам. Не отвечать на провокации, какими бы они ни были. Задача первого года — быть незаметным. Со мной встречаетесь тайно, место назначу. Через год поговорим о том, что дальше.

Пакет лежал между ними. Шпагат на нём был затянут так же, как бечева на свёртке в кресле, — одной рукой.

Ярослав перебрал сделку с изнанки, как перебирал бы расчёт у Ерёмина: что она кладёт и что берёт. Клала она поезд, бумаги, Академию и своё молчание. Что она с этого берёт — в столбике не стояло вовсе.

— Зачем вам это?

Пауза вышла заметная: маятник успел ударить трижды. Лицо её не двинулось ни на волос.

— У вас редкий дар. Империя теряет таких. Меня это раз-

дражает.

Ответ был заготовлен заранее, как тот свёрток в кресле, и заготовки своей Варвара не прятала: сидела прямо, ждала следующего вопроса. Вранья в сказанном не было — было оно только короче правды, а насколько короче, Ярослав смерить не мог.

— А если откажусь?

Она качнула головой на часы над дверью.

— Его зовут Илья Хвостов. Тверское отделение магнадзора, шесть лет выслуги. Ходит в красных носках: жена связала, и он считает их везением. Не дурак, но устав исполняет буква в букву, а форма рапорта обязывает его указать, что он был оглушён неизвестным лицом. Дальше рапорт живёт своей жизнью. Её я вам уже рассказала.

— Он видел меня?

— Лица — нет. Но записи он вёл те же полгода, что и я, и складывать умеет. Отсюда в тревоге будет возраст. Приблизительный.

По счёту Ярослава получас в переулке к этой минуте вышел весь. Где-то там человек в красных носках открывал глаза в грязи между мусорными ящиками; минуты, которые отбивал маятник над дверью, шли теперь в его рапорт — по двенадцать ударов каждая. Носки запомнились лучше выслуги.

— Почему вы его не убрали совсем?

Вторая пауза была короче первой — удар и ещё половина

удара.

— Потому что я инспектор магнадзора, а не уголовница. Хвостов выполнял свой долг.

Прозвучало правдой. Не всей — но взвешивать остаток было не на чем, и Ярослав задал вопрос, который считал с самого досье:

— Полгода наблюдения. Карта. Эта комната, снятая заранее. Если меня можно было просто сдать — зачем всё это?

— Считайте, что я не верю в смертные приговоры по отчётам, не подтверждённым лично. Я предпочитаю смотреть в глаза.

— Это не ответ.

— Это всё, что вы получите сегодня.

* * *

Из папки она достала чистый казённый лист с отпечатанной шапкой и развернула его к Ярославу. Перо и дорожную чернильницу с завинченной крышкой выставила из кармана шинели; крышку отвернула сама. Чернила были свежие, не загустевшие.

Лист был с двуглавым орлом в шапке — тем же, что на жестианке у Ерёмкина, только оттиснутым чище. Ярослав прочёл его дважды. Добровольное согласие сопровождать инспектора В. И. Строгову в столицу для рассмотрения вопроса о магических способностях. Ниже — место для подписи и число.

— Подписывайте настоящей. Тихомиров.

— Я же с этой ночи Калужский.

— С завтрашнего утра вы Калужский, но этот лист останется у меня, и в нём вы настоящий. На случай, если что-то пойдёт не по плану.

— А что может пойти не по плану?

— Всё.

Он обмакнул перо и подписал. Перо цепляло казённую бумагу; фамилия вышла угловатой — расписываться ему до сих пор доводилось только в тетради у Ерёмина. Число внизу Варвара вписала сама, потом повела листом в воздухе, суша чернила, и убрала его в папку, к карте и досье. Вблизи от неё пахло чистым мылом и чем-то слабым, едким — камфарой, как в приютском лазарете.

— Свёрток в кресле ваш. Переоденьтесь. За занавеской. Вода в рукомойнике есть — смойте переулок с лица: на станции вас запомнит всякий, кто увидит таким.

Свёрток был увязан по-хозяйски, узлы затянуты насухо. Внутри лежали рубашка плотного коленкора, куртка тёмного сукна, бельё, шерстяные носки серой вязки, ремень с латунной пряжкой, шарф. Всё было простое, немаркое, и ничто не выглядело купленным вчера. Размер брали на глаз: рукав пришёлся почти впору, в плечах взято с запасом. Складки на рубашке залегли глубоко, как залегают они только у вещей, собранных загодя.

— Собрано с неделю назад, — сказал Ярослав из-за занавески. Не спросил — сказал.

— Раньше, — отозвалась Варвара из комнаты. — Старую

куртку оставьте на стуле. Утром её заберёт дворник и сожжёт в печи. Здесь никого не было. Вас в том числе.

Вода в раковине была ледяная. Он смыл грязь со скамьи и из-под уха, промыл ссадину и утёрся подолом старой рубашки, раз ей всё равно в печь. За занавеской же переложил из левого кармана старой куртки три бумажных рубля и шесть медных пятак в левый карман новой. Правым карманом в старой он не пользовался: там с осени была дыра, всё руки не доходили зашить. Старая куртка легла на стул рукавами вниз, тёмная от воды, со смятым левым боком — тем, которым он лежал в луже. К утру она станет золой. Тихомиров останется подписью на одном казённом листе, в чужой синей папке. Больше его нигде не будет.

Новая куртка села тяжелее старой и теплее; в плечах ходило свободно — бери мешок, не треснет. Носки были толстой вязки, и ноги в них встали сухими первый раз с обеда. Шарф он замотал по-складски, в один оборот, конец под ворот.

Варвара уже стояла у стола, застёгнутая на все крючки. Пакет с документами она подвинула к нему через стол.

— Ваше. Во внутренний карман. На станции достанете, только если спросят, — спрашивать не должны.

Часы над дверью показывали без пяти два.

— Идём. До станции десять минут шагом. Поезд в два двадцать.

Она прикрутила фитиль до искры и дунула; комната ушла в темноту, осталась серая щель между занавесками. Дверь за

ними она заперла на два оборота, ключ опустила в карман шинели.

Лестницу спускались в темноте, те же тринадцать и тринадцать. Во дворе морось перестала; над крышами в стороне путей стояло рыжеватое зарево станционных огней. Под воротной аркой Варвара приостановилась, послушала улицу — было пусто — и вышла первой, дворами, тем же порядком, что и сюда.

До станции было десять минут. Ярослав начал считать их с первого шага.

Глава 3. Ночной поезд

До станции вышло девятьсот двадцать четыре шага.

Считать он не собирался. Счёт тронулся сам, с первой подворотни, и бросить его на половине было труднее, чем довести до конца. Варвара шла на полшага впереди, дворами, тем же порядком, что и к её дому, и на перекрёстках не оглядывалась: дорогу она знала ногами. Морось не вернулась. Со стороны путей тянуло углём и мокрой окалиной, рыжее зарево над крышами росло с каждым двором.

К пассажирскому подъезду она не повернула — обогнула здание станции слева, вдоль глухой стены, мимо телеграфной будки. В будке горело одно окно; за стеклом сидел человек в тужурке и стучал ключом, не поднимая головы. У служебной калитки стоял жандарм путей сообщения, немолодой, с мокрыми от ночи усами. Он козырнул раньше, чем Варвара вынула жетон.

— Госпожа инспектор.

Жетон она всё равно показала — с ладони, на секунду. Потом подала документы Ярослава.

Жандарм развернул их под фонарём, прочёл недолго, сложил по старому сгибу и вернул.

— Доброго пути, господин Калужский.

— Спасибо.

Слово вышло само и легло куда надо. Первое слово в но-

вом имени далось легче, чем давешняя подпись.

Поезд номер семь стоял у дальней платформы — короткий, вагонов на восемь, паровоз под парами. Над трубой держалось белое, на платформе пахло горячим маслом и мокрым шлаком. Народу было мало: почтовый чиновник с опечатанным мешком, два офицера у первого вагона, баба с корзиной, которую не пускали в классный. Под фонарём мальчишка-газетчик спал стоя, привалившись к столбу, и пачку держал под мышкой даже во сне.

Варвара прошла вдоль состава не быстро и не медленно, походкой человека, который ездит этой платформой по службе. Кондуктор второго вагона глянул в билеты и посторонился.

* * *

В вагоне по коридору лежала ковровая дорожка, вытертая до основы посередине и целая по краям. Пахло угольной печкой из дальнего конца и холодным табаком. Двери купе шли по левой руке, с латунными номерками; латунь была тусклая, кроме цифр — цифры протирали.

Места были третье и четвёртое, купе служебного разбора: два дивана в потёртом сукне, столик, лампа за проволочной сеткой. Варвара села по ходу. Ярослав — напротив, у окна, против движения.

Багажа не было — только свёрток в бечёвке, который Варвара убрала в сетку над своей головой. Из кармана шинели она достала журнал в синей обложке — «Вестник магнадзо-

ра», с имперским орлом над заглавием, — раскрыла ближе к середине и поставила перед собой.

Свистнули с хвоста. Взяли с места мягко; за стеклом прошли пакгаузы и водокачка, потом темнота съела огороды, и окно стало показывать купе: лампу за сеткой, женщину с журналом, его самого.

Ярослав проверил сквозь сукно левый карман: три бумажных рубля и шесть пятаков лежали на месте, пятаки внизу, бумага сверху. Во внутреннем, у сердца, стоял пакет с документами — углом он упирался в ребро, и это было даже удобно: пакет чулся при каждом вдохе, его не требовалось трогать рукой.

За двадцать минут Варвара не перевернула ни одной страницы. Глаза её по строчкам не шли.

Ярослав досчитал стыки до тысячи и бросил.

— Что я должен знать про Академию, чтобы не спалиться?

Она закрыла журнал и положила его на столик, орлом вниз.

— Правильный вопрос. — Голос был негромкий, дорожный, вполовину стука колёс. — Сперва порядок: говорим, пока едем. На стоянках молчим, о чём бы ни шла речь. Стены здесь в доску толщиной.

Он кивнул.

— Проверять в вас будут две вещи: стихи и ранг. Всё остальное в Академии — надстройка над этими двумя сло-

вами.

— Стихий сколько?

— Которым учат — шесть. Огонь, вода, земля — эти вы назовёте сами, их пол-империи. Ещё две вам сейчас не соседи, услышите на месте. Шестая — свет, о нём отдельно. Он вам важнее всех. Сверх шести есть три редкие, им учат малыми группами. Природная, целительская. Третья редкая — моя.

— Ваша — это читать мысли?

— Мыслей не читает никто. — Она сказала это без нажима, как расписание. — Читается тело. Пульс на шее. Куда пошли зрачки. Тёплая ладонь или холодная. Как поставлены плечи. Тело отвечает раньше рта и не умеет врать. Я работаю с вами с той минуты, как вы свернули в переулок.

Ярослав снял ладони со столика и положил на колени.

— Поздно, — сказала Варвара. — И бесполезно.

Колёса простучали короткий мост.

— А моя стихия?

— Вашей нет. В программах нет, в учебниках нет, на камне-индикаторе для неё нет деления. По бумагам империи её не существует уже триста лет. Название уцелело у тех, кто помнит. Тень.

— Тогда что покажет камень?

— То, чему мы его научим. Слушайте. Свет излучает. Тень поглощает. Это не два врага — это две стороны одной оси: одна и та же часть спектра, прочитанная в обратную сто-

рону. Камень меряет отклик, и у слабой Искры света отклик почти такой же, как у слабой Искры Тени. Разница есть, но её надо искать, а ради слабой Искры безродного искать не станут. Огонь так спрятать было бы нельзя — огонь под камнем горит. Свет — можно.

— А если станут искать?

— Искать некому и незачем. Испытание общее, у камня, при ректоре Академии; каждого объявляют вслух — стихию и ранг — и зовут следующего. Безродные идут в одном потоке с дворянами, и слабая Искра у безродного — самое скучное, что ректор в этот день увидит: запишет и макнёт перо для нового имени. Присматриваются к наследникам родов — от тех ждут результата. К вам присмотрятся, только если вы дадите повод. Наша работа на десять дней — чтобы повода не было. — Она положила два пальца на обложку журнала. — По бумагам вы — сын мелкого служащего из Калуги, дар проявился поздно, слабая Искра света. Запомните, почему выбрано именно это. Слабый свет — самое незаметное, что есть в Академии. Таких не зовут в свиты, не вызывают на дуэли и не ставят в пример. На слабом свете можно отучиться год, и никто не вспомнит вашего лица. — Она чуть повернула журнал на столике, выравнивая по краю. — И запомните ещё одно. Ранг можно прощупать без всякого камня: направленным вниманием, а вернее всего — через прикосновение. В Академии довольно людей, которым это по силам. Руку первым не подавайте никому. Спросят — у

складских не принято, руки битые.

— Искра — это сколько?

— Младший ранг. Рангов пять, снизу вверх: Искра, Сумрак, Тень, Мрак, Буря.

— Тень — как моя?

— Слово то же, смысл другой. Третий ранг зовут так двести лет, по привычке; к вашей стихии это отношения не имеет. Совпадение, и неудобное. — Она переждала стрелку. — Каждый следующий ранг — втрое больший поток через человека, чем предыдущий. Большинство магов всю жизнь живут на Сумраке. Ранговая Тень считается сильной карьерой, с ней уходят в отставку полковниками.

Втрое он умел представить: мешок, который несёшь один, и три таких разом, на ту же спину.

— В переулке из вас прошло близкое к ранговой Тени. Середина лестницы. Обычной прокачкой её берут за пять-семь лет — с наставниками, по часу в день, под присмотром лекаря. Вы взяли за минуту. Со страха. Без одного дня подготовки. — Стук колёс сменился и вернулся. — Безродный с такой силой — это даже не аномалия. Это статистически невозможно.

Он посмотрел на свои руки. Руки были как руки: ссадина на костяшке, мозоль от крюка.

— Но я есть.

— Вы есть, — согласилась Варвара. — Поэтому мы едем в одном купе, а не в разных.

Она подождала, не спросит ли он ещё, и продолжила сама:
— Что с вами было после переулка? По телу.

— Знобило. Во рту стоял металл, не сглатывался. Руки тряслись, потом перестали.

— Это отдача. Цена за поток. Чем выше ранг, тем она тяжелее и держится дольше. Тело — счётчик честнее камня: всегда покажет, сколько через вас прошло. Верьте ему раньше, чем себе.

По коридору прошёл проводник с фонарём; свет мазнул по щели под дверью и уполз. Варвара молчала, пока шаги не сели в дальнем тамбуре, и только после этого положила руку обратно на журнал.

* * *

В Клину стояли четыре минуты. По перрону прошёл обходчик, стуча молотком по бандажам; звук шёл парами, чистый и глухой вперемежку. Кто-то протопал по коридору вагона и стих в дальнем конце. Варвара к окну не повернулась ни разу — всю стоянку она смотрела на дверь купе.

Когда перрон ушёл назад, Ярослав спросил:

— А выше середины?

— Мрак и Буря. Выше Сумрака сила растёт быстрее, чем тело успевает к ней приладиться. Большинство останавливаются сами, когда чувствуют отдачу. Это правильная остановка, трусости в ней нет. До Мрака доходят единицы за поколение. До Бури — один на поколение, а чаще ни одного.

— А кто не останавливается?

— Сгорает. Сосуды не держат потока. Лопаются — в глазах, потом в мозгу. Сердце сгорает в прямом смысле слова, лекари видели это на вскрытиях. Смерть бывает мгновенной. Бывает, тело живёт ещё несколько часов, когда внутри уже всё кончено: человек ходит, говорит, отдаёт распоряжения. В летописях Академии за двести лет четырнадцать таких случаев. Одиннадцать — добровольные, ради защиты империи. Эти одиннадцать числятся героями.

— А остальные три?

— Не успели стать героями.

Колёса отстучали десяток стыков.

— А я могу дойти до Бури?

Ответила она не сразу. Заминка была второй за сутки — и длиннее первой.

— Не знаю.

Он подождал ещё немного. Довеска не было. За окном пролетел полустанок — один фонарь, будка, человек с флажком, — и снова пошла темнота.

— Вы знаете больше, чем говорите.

— Знаю.

— Но не скажете.

— Сейчас — нет. — Варвара сложила руки на журнале. — Есть знание, которое нельзя везти в Академию. Там его прочтут: менталисты сильнее меня там есть. Всё, что вы будете знать, вы повезёте туда в себе — значит, повезёте только то, что можно показывать. Остальное — когда уйдём из

Москвы.

— А мы уйдём из Москвы?

— Когда-нибудь обязательно.

Сказала она это тем же дорожным голосом, и не разобрать было, обещание это или обет, который она даёт себе.

— Теперь о ближнем. До испытания десять дней. Жить будете у меня; дом старый, подвал общий и по будням пустой. Десять дней мы будем учить камень видеть в вас слабую Искру света. Это мало. Значит, заниматься будем много.

— Она подняла журнал и раскрыла на прежней середине. — Спите. С вокзала поедет сразу, день выйдет длинный.

Глаза её опять встали над строчками и по ним не пошли.

* * *

Он привалился виском к оконной раме. Рама была холодная, стекло мелко дрожало. Шарф он размотал и сложил под висок вдвое; шерсть колола щёку, зато держала тепло. Ноги он вытянул под столик, не касаясь её ботинок, — примерился и оставил вершок запаса.

Напротив шуршала бумага. Теперь страницы переворачивались — редко, вразнобой. Звук был спокойный, и под него спалось.

Уже на границе сна он попробовал то, что пробовал редко: увидеть лицо матери. Лица не было — не было никогда, сколько он себя помнил. Был голос, без слов, одна тёплая нота. И было тепло сверху, совсем близкое: кто-то наклонялся над ним. Он не стал держать это дольше, чем оно держалось

само.

Колёса стучали по два удара в такт. На каком счёте он уснул, он не заметил.

* * *

Проснулся он от колёс: стук стал чаще и мельче, пошли стрелки.

За окном стоял свет. Ровный, белый, без желтизны; фонари шли часто, и ни один не мигал. Мимо тянулись подъездные пути — пакгаузы, будка стрелочника, штабель шпал, — и всё это стояло в белом свете плоско, вымытое до одного цвета, как не бывает ни днём, ни ночью. Он поднял ладонь к стеклу — кожа была серо-синей, ногти тёмные.

В груди стояла не боль — нехватка, будто из каждого вдоха вынули половину. Он посчитал вдохи до десяти; на счёт дышалось легче, без счёта теснота возвращалась. Под языком собрался металл, гуще вчерашнего. Он сел прямо и взялся за край столика; край был обыкновенный, деревянный, и это помогло.

— Это электрический свет, — сказала Варвара. Журнала на столике уже не было. — Москва. Привыкайте: он там, где власть. Чем ближе к Кремлю, тем его больше.

— Почему давит?

— Потому что в таком свете нет тени. Вашей стихии не за что взяться — и нечем дышать. Запомните это ощущение телом: где так давит, там вашей силы нет, и звать её оттуда нельзя. В керосиновых улицах отпустит. У меня дома его нет

совсем.

Поезд шёл всё тише и втянулся под крышу — арочную, стеклянную, на железных фермах. Перрон уходил вперёд саженей на сто; над ним рядами горели электрические лампы, десятки разом, и под крышей было светло как днём. По перрону уже шли первые из вагонов: носильщики с бляхами, дама в ротонде, артельщик с ящиком на плече. Ярослав посмотрел им под ноги. Теней под ними не было.

Часы над перроном показывали без четверти семь.

— Теперь слушайте, повторять будет негде. — Варвара встала и взяла свёрток из сетки. — Идёте за мной, шагом, обычным. Не озираться. У выхода жандармы: в глаза им не смотреть, в пол тоже — смотрите мне в спину. Экипаж договорён, ждёт у подъезда. Едем сразу на Якиманку. — Она застегнула шинель на верхний крючок. — Подозрительный человек на Николаевском вокзале — это либо плохо одетый рабочий, либо одинокий мужчина с тяжёлым чемоданом. Вы ни то и ни другое. Вы мальчик, который спокойно идёт за дамой в форменной шинели.

Дверь вагона открыли; в тамбур втянуло холод и запах жжёного угля. Ярослав сошёл на перрон следом за серой шинелью — в свет без теней, шагом, обычным. Далеко впереди, у решётки выхода, стояли двое жандармов и смотрели поверх идущих голов. Он выбрал точку между лопаток Варвары, на сером сукне, и держал её.

Счёт тронулся сам.

Глава 4. Подвал на Якиманке

Карета ждала сбоку от подъезда, у почтового крыла, — наёмная, с поднятым кожаным верхом. Извозчик был пожилой, борода в сивом инее; на Варвару он оглянулся, узнал и тронул, едва дверца закрылась. Адреса никто не называл.

Ярослав сел спиной к ходу — само вышло, после купе. За окошком поплыла площадь: столбы с белыми лампами, ряд пролёток, городской в чёрной шинели под часами. Свет лежал на всём поровну, без теней, и в груди от него по-прежнему недоставало половины воздуха.

Он стал дышать на счёт, как в вагоне: до десяти и снова до десяти. Помогало вполтину.

Белые лампы кончились не сразу. На угловом доме прошла синяя табличка — «Мясницкая улица», — и через квартал начался газ: жёлтые огни с живым язычком за стеклом, свет кругами, между кругами темнота. Грудь отпустило на треть; он отметил это, как отмечают, что телега съехала с булыжника на грунт.

Мост переехали в темноте. Под перилами внизу лежал лёд, серый от фонарей, оставшихся позади. За рекой газовые огни пошли реже, через два дома.

— Ордынка, — сказала Варвара, не поворачиваясь от своего окна. — Дальше Якиманка. Почти приехали.

В переулках фонари стали керосиновыми, тускло-рыжи-

ми, а к самому дому почти сошли на нет — и вместе с ними сошло на нет то, что держало под рёбрами с подъезда к Москве. Дышалось во всю грудь. Он поймал себя на том, что перестал про это думать.

Дом был трёхэтажный, доходный, без вывески и без дворника у ворот. Варвара расплатилась серебряным рублём; извозчик принял его в рукавицу не глядя и тронул раньше, чем они дошли до подворотни.

Серебро Ярослав видел у Ерёмина за полтора года трижды, и всякий раз — при расчёте артели за неделю целиком. Здесь рубль ушёл за одну поездку, между делом, из перчатки в рукавицу.

* * *

Второй этаж, дверь с потёртой жестянкой, на жестянке цифра «семь». Ключей у Варвары было два — от подъезда и от двери, оба на одном кольце, без брелока.

Комнат было две, с кухней и прихожей. Камин, коричневый кожаный диван с продавленной серединой, письменный стол у окна, этажерка. Книги на этажерке стояли корешок к корешку, все рабочие: «Уложение о магических сословиях», «Курс ментальной диагностики», «Хроника пограничных конфликтов». Ни картинки на стене, ни фотографии на столе, ни забытой чашки. Всё нужное — и ничего сверх. Жила здесь Варвара со своим ключом, а хозяйничал, судя по комнатам, никто.

Электричества в доме не было: по стенам шли свечные

бра, на письменном столе стояла керосиновая лампа под зелёным абажуром. Дом строили в пятидесятые годы, проводов он не знал.

— Куртку снимите, — сказала Варвара из кухни. — И рубашку. Посмотрю бок.

Без шинели Ярослав впервые посмотрел на неё нормально, при свете дня, а не урывками в керосиновом полумраке. Она показалась моложе, чем была ночью в переулке. Молодых женщин в его жизни почти не было — в приюте работали старухи-воспитательницы, в ночлежке мелькали крестьянки в платках, на складе вообще никого. Варвара не была ни тем, ни другим. Из узла у виска выбилась короткая прядь, и Варвара, не глядя, поправила её мизинцем правой руки — таким лёгким движением, как поправляют не свой волос, а соринку с чужого плеча.

Синяк на рёбрах слева разошёлся за ночь в две ладони: середина тёмно-фиолетовая, почти чёрная, края жёлтые. В поезде он его не смотрел — не хотел смотреть при ней.

— Вдохните. Глубоко, до упора.

Он вдохнул. В боку потянуло, но иглы не было.

— Трещины нет, — сказал он. — С трещиной так не вдохнёшь.

— Верно. Откуда знаете?

— В ночлежке извозчик упал с козел, сломал два ребра. Я видел, как он дышит. Полглотка — и всё, дальше игла.

— Точно подмечено. — Она принесла с кухни тёмный

флакон без наклейки; из горлышка потянуло камфарой — той же, что от её сукна, только гуще. — Казённая смесь, магнадзорная аптека. Синяк сойдёт втрое быстрее. Кости она не лечит, но кости у вас целы.

Мазала она сама, полосами от края к середине. Рука у неё была холодная и твёрдая; жалости в этой руке не было, брезгливости тоже. Пальцы тонкие, чистые, без единой мозоли. Его ладони рядом с этими пальцами были из другого хозяйства: след от крюка поперёк пальцев, ноготь на большом с осени синий. Разница была сословная, до кости. Обиды он в себе не нашёл.

Он впервые в жизни был так близко к молодой женщине, от которой не пахло потом, или варёной капустой, или керосином, или шерстью, мокрой от дождя. Это он тоже запомнил, не поднимая глаз от стола.

Когда Варвара выпрямилась, прядь у виска опять выбилась из узла, и она привычно поправила её тем же лёгким движением — мизинцем правой руки.

— Пока вы у меня и пока мы в этом доме — спрашивайте, — сказала Варвара, закрывая флакон. — Всё, что хотите. В стенах Академии каждый ваш вопрос будет обрабатывать кто-то ещё, кроме меня. Здесь — только я.

— Тогда про бумагу, которую я подписал.

Она села за письменный стол и открыла синюю папку — ту самую, тверскую.

— Лист — ваша страховка. Он доказывает, что вы поеха-

ли добровольно, а не под конвоем; если дойдёт до разбирательства, эта бумага будет весить больше моих слов. И он же — моя отчётность. Поручения на вас у меня нет. Но в магнадзоре всегда находятся циркуляры, под которые подходит любая моя инициатива.

— А квота? Вы говорили — льготная, из Калуги.

— Бумагу провёл человек в столичном магнадзоре, который мне обязан. Запись не о вас. Пять лет назад в Калуге жил мальчик, сын мелкого служащего, поздний дар, слабая Искра света. Ему оформили льготу на испытание. До испытания он не доехал — умер от чахотки в шестнадцать. Чиновник, который вёл его бумаги, умер годом позже. Бумаги остались в архиве, на третьей полке, и лежат там пять лет. Сличать их не с кем и незачем. — Она выровняла лист в папке по краю. — Это не самое чистое из того, что я сделала за свою службу. Но это самое надёжное.

— Почему вы это делаете?

— У вас редкий дар. Империя теряет таких.

— Это не ответ.

— Это всё, что вы получите сейчас. — Она закрыла папку и встала. — Идёмте вниз. День рабочий, и он уже начался.

* * *

Спуск в подвал был из-под лестницы: низкая дверь без замка, за ней пять ступеней. Свод шёл так, что Варвара проходила прямо, а Ярославу приходилось брать голову к плечу. Стены — камень без штукатурки. Пол был земляной: у по-

ленницы утоптан до блеска, по углам рыхлый. Дрова вдоль дальней стены лежали колотые, берёза с осиной вперемешку; пахло сыростью и корой.

— Дрова забирает дворник. Раз в неделю, по средам, с утра, — сказала Варвара. — В остальные дни сюда не спускается никто. Проверено.

Посреди подвала — два деревянных стула без спинок, между ними на земле керосиновая лампа. Поставлены стулья были близко, на длину рук.

— Садитесь.

Она села напротив и положила руку на колено ладонью вверх.

— Вашу сверху. Закройте глаза. Слушайте под рёбра: середина груди, чуть ниже. Что там?

Он слушал. Сперва был только свой пульс — в ушах, вшее. Глубже пульса и тише его нашлась вторая жилка. Тоньше волоса. Она билась неровно: два удара, пропуск, ещё удар.

— Есть что-то тоньше пульса. Бьётся вразнобой.

— Это она. — Варвара руки не убрала. — Ваша Тень не спит. Она тлеет. В эфире она не звенит, я говорила. Но опытный маг вблизи почувствует — если ладонью провести, как я сейчас. В Академии таких ладоней будет полный коридор. Задача на десять дней: чтобы под любой ладонью у вас было пусто. Уложите её.

— Как?

— Как умеете. Пробуйте.

Он прижал — так, как прижимают грудью расползающийся мешок. Жилка ушла из-под нажима вбок и застучала там, ничуть не тише. Он собрал нажим в одну точку. Жилка обошла её сбоку и стучала уже левее, у самого ребра.

— Не давите. Толку не выйдет: упереться вам не во что.

— Варвара переждала. — Скажите ей «лежи». Как собаке. Не просите. Не грозите. Одно слово, внутрь.

Слово показалось глупым, но он его сказал.

Жилка легла.

Легла не разом: толкнулась ещё дважды, по-собачьи, устраиваясь под ладонью, — и затихла. Осталось тёплое место без ударов.

— Лежит, — сказал он.

— Держите.

Через минуту заломило в висках — тонко, изнутри.

— Виски, — сказал он, не открывая глаз.

— Знаю. Пройдёт с привычкой. Дышите так: выдох длиннее вдоха. Вдох на четыре счёта, выдох на шесть. Ей не на чем подняться, пока вы так дышите.

Он взял вдох на четыре, выдох на шесть — работа знакомая. Виски отпустило раньше, чем кончился десятый круг; жилка лежала.

— Запомните это дыхание, — сказала Варвара. — Оно проще слова, и со стороны его не видно. Считаете вы лучше многих — пользуйтесь.

К полудню он держал с открытыми глазами. Варвара спрашивала — нарочно, вразбивку, о чём попало. Ступеней в её тверской лестнице было тринадцать и тринадцать, это он помнил твёрдо. Обложка служебного журнала — синяя. А вот цену мест в вагоне он назвать не смог: цен не видел, билеты брала она. Отвечал и держал; одно другому мешало меньше, чем он ждал. Один раз, на вопросе про переулоч, жилка поднялась толчком; он посадил её дыханием, за два круга счёта.

— Заметьте, на чём поднялась, — сказала Варвара. — Такие места у вас будут спрашивать не в подвале.

Обед был короткий — хлеб да холодная говядина из лавки, чай следом. Сахар Варвара клала в стакан не считая; свой кусок он по привычке отложил бы на вечер, но откладывать было некуда, и он съел его сразу.

После обеда вышли во двор. Двор стоял колодцем — серые стены на три этажа. У чёрного хода лежала поленница, под карнизом возились две голубиные пары. Задача — ходить и держать. Ходить оказалось труднее, чем сидеть: на шагу жилка вспоминала о себе через каждые полсотни шагов. Помогла осанка — та, складская, под мешок: спину прямо, плечи развести. Дыхание само ушло в живот. С этой осанкой удержание вставало на место, и он ходил по двору, как ходил по сходням — с грузом, который нельзя уронить.

К пяти он держал не думая. Вспоминал о жилке — она лежала; забывал — лежала тоже.

— Норма Академии — восемь часов в день, — сказала Варвара, когда во дворе стемнело. — Не подряд: от подъёма до отбоя, с передышками, когда вы один и в темноте. К испытанию выйдете на норму. Завтра начнём обратное — выпуск. На грамм, не больше. Придержаться — половина дела. Отпустить ровно столько, сколько решили, — вторая.

* * *

Вечером она поднялась наверх — «побудьте здесь, позову», — и Ярослав остался в подвале один, с лампой на земляном полу.

День кончился; держать было незачем. Он отпустил.

Отпускалось так же, как ложилось, — без рывка. Тепло из середины груди разошлось шире, до ключиц и вниз. И подвал вокруг переменился.

Темнота в углу, куда не доставала лампа, была не пустая. Он чувствовал её, не вставая со стула, — так, как чувствуют стену ладонью, не коснувшись: каждый излом кладки, швы между камнями, ямку, где выкрошился раствор. Темнота за поленницей была глубже и суше. Темнота под сводом — тоньше, с движением от печной тяги. Все они были одно, и то, что лежало у него под рёбрами, было из того же — не гость в этом подвале, а часть описи.

Он прикрутил фитиль наполовину. Темнота придвинулась, и под рёбрами стало просторнее.

В тёмном углу было тише, чем у лампы. Он сидел и слушал эту тишину, пока на лестнице не стукнула дверь.

Варвара спустилась со свечой, поставила её на поленницу, села напротив и взяла его за запястье. Пальцы легли на жилу и остались.

Он ждал. Свеча оплывала на берёзовый кругляк; он начал считать капли воска и досчитал до одиннадцати.

— Сумрак, — сказала она наконец. — Поток, как у мага в ранге Сумрак. В покое. Вы что-нибудь делали?

— Ничего. Отпустил.

— Вот именно.

Руку она не убирала ещё долго. Смотрела не на него — на свечу, и по лицу её ничего не шло; только пальцы на запястье изредка меняли нажим, чуть сильнее, чуть слабее.

— С чем это сравнить, я не знаю, — сказала она. — Пока не знаю.

Руку она убрала, но осталась сидеть.

— Теперь вопросы задаю я. Про семью. Кто-нибудь из родни болел? Падал без памяти, умирал молодым — вдруг, среди полного здоровья?

— Этого мне знать неоткуда. Я сирота.

— Что вы знаете о родителях? Хоть что-нибудь. — Варвара задала вопрос без перерыва.

— Ничего не знаю. — Ярослав на секунду задумался. — Меня подкинули — нашли зимой на пороге, в одеяле, а записки при мне не было. В книге так и вписано: «найдёныш, безвестные».

— Что вы помните сами?

Он помолчал.

— Голос — женский, одна нота, без слов. И руки помню, тёплые. Ещё пожар, но не сам огонь — дым и то, как кричали.

— Сколько вам было?

— В том и дело. В приютской книге стоит: «месяцев семи, по виду» — а столько не помнят. Я спрашивал фельдшера, тот говорит: память раньше трёх лет не живёт. Выходит, либо книга врёт, либо помню не я. — Он посмотрел на свечу. — Но я помню.

— Какой приют?

Свеча стрельнула. Варвара сняла нагар пальцами, не морщившись.

— Тверской сиротский дом при Покровской церкви. Год в книге стоит тысяча восемьсот семьдесят восьмой — я смотрел, когда выпускали.

— Дальше, — сказала она.

— А дальше — то, что я додумал. Если родители сгорели, значит, кто-то меня вынес и донёс до приютской двери. Этот кто-то знал, чей я, — а имени не оставил. — Он загнул палец, ещё один. — Стало быть, не хотел, чтобы знали. Почему — не знаю. Мне тогда было семь месяцев.

Варвара кивнула — медленно, один раз. Что-то в лице у неё сдвинулось на волос, у самых губ, и встало обратно. Вслух она не сказала ничего — спросила про другое:

— Что вы чувствуете в этом подвале?

— Тихо.

— Хорошо. — Она поднялась и взяла свечу с поленицы.

— Наверх. Ужин остыл, но он и был холодный.

* * *

Спать ему отвели вторую комнату: узкая кровать под серым одеялом, стул вместо тумбы. Дверь он прикрыл неплотно — привычка ночлежки: слышать, что делается в доме.

В щель было видно письменный стол и половину Варвары: висок с выбившейся прядью, бровь, руку с пером. Лампа под зелёным абажуром стояла слева, и свет ложился на правую сторону её лица. На правой брови, ближе к переносице, лежал шрам — старый, бледный, в палец длиной, тонкий, как след от нитки. Днём он его не видел. Спрашивать не стал.

Синяя папка лежала открытой. Перо закрипело по бумаге — со скоростью человека, который не сочиняет, а записывает готовое.

Под этот скрип он уснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.